

Five Nights at Freddy's

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чарли! — проорал Джон, задыхаясь от поднявшейся пыли и продираясь через развалины к месту, где она была перед взрывом. Обломки поехали у него под ногами, он споткнулся о кусок бетона и едва удержался, судорожно хватаясь за острые края и до крови обдирая руки. Добравшись до нужного места, где чувствовалось ее присутствие внизу, он взялся за огромный бетонный блок и приподнял его, напрягая все силы. Выдвинутый из кучи, брусок наклонился, перевернулся и упал с оглушительным грохотом, сотрясая землю под ногами. Над головой заскрипела и опасно закачалась стальная балка.

— Чарли! — Джон снова прокричал ее имя, отодвигая еще один бетонный блок, — Чарли, я иду! Он хватал ртом воздух, на

адреналине отталкивая обломки с отчаянной силой, только адреналин уже кончился. Джон стиснул зубы и напрягся. Он попытался поднять следующий блок, но ладони соскользнули, и, посмотрев на них, он понял, что руки оставляют следы крови на всем, к чему прикасаются. Все было как в тумане. Он вытер ладони о джинсы и попытался снова. На этот раз кусок бетона поддался, он удержал его на бедрах, оттащил на три шага и бросил в грудку обломков. Он рухнул, расколов другие блоки и стекло, запустив цепную реакцию, а потом, откуда-то из-под обломков, он услышал ее шепот:

—...Джон...

— ...Чарли... — с замершим сердцем прошептал он в ответ, и руины снова сдвинулись под ногами. На этот раз он упал и больно ударился спиной, из грудки вышибло воздух. Он пытался вдохнуть, но легкие отказывались работать, а потом с трудом, но все же задышал. Он сел и словно в пелене увидел картину, которая открылась перед ним после обвала. Это была секретная комнатка в доме, где жила в детстве Чарли. Перед ним возникла пустая и гладкая металлическая стена. В центре виднелась дверь.

Это был только контур, без петель и ручки, но он догадался, что Чарли поняла это еще раньше — когда остановилась в разгар бегства и прижалась щекой к поверхности, позвав кого-то или что-то внутри.

— ...Джон... — она снова прошептала его имя, и ее голос, казалось, звучал отовсюду, отражаясь от стен комнаты. Джон поднялся и прикоснулся ладонями к двери; на ощупь она была прохладной. Он прижался к ней щекой, прямо как Чарли, и поверхность стала еще холоднее, будто вытягивала из него тепло. Джон отпрянул и потерял холодную щеку, глядя на дверь. Блестящий металл на глазах потускнел и побледнел, а потом сама дверь начала истончаться и терять плотность, пока не превратилась в подобие заиндевевшего стекла. Джон увидел за ним тень, фигуру человека. Она приближалась, а дверь стала настолько прозрачной, что сквозь нее было видно почти всё, что происходит на той стороне. Он подошел ближе, повторяя движения фигуры за стеклом. Ее лицо было гладким и блестящим, с глазами, вылепленными точно у статуи, но не видящими. Джон всматривался в стекло, от его тепло-го дыхания оно запотело, затуманив почти прозрачный барьер. Вдруг глаза открылись.

Фигура спокойно стояла перед ним, глядя в пустоту. Глаза были мутными и неподвижными. Мертвыми. Кто-то засмеялся, и дикий безрадостный звук заполнил маленькую изолированную комнату. Джон испуганно озирался по сторонам в поисках источника отвратительного хохота. Вопли звучали все пронзительнее, все громче и громче. Когда резкий звук стал совсем невыносимым, Джон закрыл уши ладонями и закричал:

— ЧАРЛИ!

Джон вздрогнул и проснулся. Сердце стучало, смех не прекращался, следуя за ним по пятам из сна. Сбитый с толку, он быстро оглядел комнату и включил телевизор. Экран заполнило разрисованное лицо клоуна, искаженное конвульсией смеха. Джон сел и потер щеку в месте, на котором отпечатались следы часов. Он посмотрел на циферблат и выдохнул с облегчением — как раз хватит времени доехать до работы. Откинулся назад, перевел дыхание. На экране телевизора ведущий местной телестанции направил микрофон на человека, одетого как цирковой клоун — с гримом на лице, красным носом и париком всех цветов радуги. Воротник на его шее напоминал о ренессансных портретах. На нем

был клоунский костюм желтого цвета с красными помпонами вместо пуговиц.

— Скажите, — бодро спросил ведущий. — У вас уже был этот костюм или вы специально сшили его к церемонии открытия?

Джон выключил телевизор и пошел в душ.

Несмотря на то, что он работал в этом шуме весь день, легче не становилось: гул и лязг перемежался криками и грохотом отбойных молотков, от которых дрожала земля. Джон закрыл глаза, пытаясь отстраниться: вибрации резонировали в его груди, заполняя тело, и среди всего этого шума вдруг зазвенел отчаянный смех. Фигура из сна снова явилась ему, маяча немного за пределами поля зрения, и казалось, если повернуть голову в нужную сторону, он разглядит лицо за дверью...

— Джон!

Джон обернулся: Луис стоял в шаге от него и смотрел на него с недоумением.

— Я уже три раза тебя позвал, — сказал он.

Джон пожал плечами и обвел рукой беспорядок вокруг.

— Слушай, парни хотят пойти выпить после работы. Ты с нами? — спросил Луис.

Джон помялся.

— Соглашайся! Тебе на пользу пойдет — ты только работаешь и спишь.

Он добродушно хохотнул и хлопнул Джона по плечу.

— Ага, на пользу, — Джон улыбнулся, опустил голову, и улыбка сползла с его лица. — Просто у меня сейчас полный завал.

Он постарался, чтобы это прозвучало убедительно.

— Ну да, полный завал. Скажи, если передумаешь.

Луис снова хлопнул Джона по плечу и направился назад к погрузчику. Джон посмотрел ему вслед. Он отказывал коллегам уже не в первый раз, и даже не во второй и не в третий. Наверное, в конце концов они прекратят попытки — сдадутся рано или поздно. Может, это и к лучшему.

— Джон! — позвал другой голос.

Что еще?

Это был прораб, который окрикнул его из дверей конторы — трейлера, привезенного на время стройки и кое-как установленного на земляной насыпи.

Джон пробрался сквозь стройплощадку и нырнул за виниловую занавеску в дверь трейлера. Минутой позже он оказался перед складным столиком напротив прораба. Сте-

ны внутри трейлера были отделаны пластиковой обшивкой, имитирующей дерево, которая едва держалась.

— Ребята мне тут говорили, что ты какой-то рассеянный.

— Я сосредоточен на работе, вот и все, — сказал Джон, выдавливая улыбку и стараясь сдержать нарастающее раздражение.

Оливер неубедительно улыбнулся в ответ.

— Сосредоточен, — повторил Оливер.

От удивления Джон перестал улыбаться.

— Слушай, я дал тебе шанс, потому что твой кузен сказал, что ты трудолюбивый. Ты самовольно ушел с предыдущей работы и не вернулся. Я закрыл на это глаза. Ты понимаешь, что я рисковал из-за тебя?

Джон сглотнул.

— Да, сэр, я знаю.

— Прекрати называть меня «сэром». Лучше послушай меня.

— Но я делаю, что мне говорят. Не понимаю, в чем проблема.

— Ты медленно реагируешь и витаешь в облаках. Ты не работаешь в команде.

— Что?

— Это зона активного строительства. Если мечтать на ходу или не думать о безопасности других, кто-нибудь получит травму или по-

гибнет. Я не говорю, что вы должны делиться секретами и проводить вместе выходные. Но надо работать в команде. Ребята должны знать, что в нужный момент ты не подведешь.

Джон понимающе кивнул.

— Это хорошая работа, Джон. И думаю, парни тут работают хорошие. Сейчас с рабочими местами не очень, и мне нужно, чтобы ты включил мозг. Если еще раз увижу, что ты где-то витаешь... в общем, не ставь меня в неловкое положение. Тебе ясно?

Джон стоял на вытертом коричневом ковре передвижного офиса, как нашаливший школьник в кабинете директора.

— Ладно. Иди.

Джон вышел. Головомойка пришлась на последние минуты рабочего дня. Он помог Сергею убрать кое-какое оборудование и направился к машине, небрежно попрощавшись.

— Эй! — окликнул Сергей. — Последний шанс!

— Я... — Джон прервался, краем глаза заметив начальника. — Может, в следующий раз.

Но Сергей продолжал настаивать:

— Ну давай же, мне нужна отговорка, чтобы не ходить в заведение к новому пар-

ню. Дочка всю неделю туда просится. Люси ее отведет, а мне от роботов не по себе.

Джон остановился, мир вокруг замер.

— В какое еще заведение?

— Так ты идешь? — снова спросил Сергей.

Джон попятился, будто подошел слишком близко к краю пропасти.

— Может, в другой раз, — ответил он и решительно направился к машине.

Машина была старая, коричневато-красного цвета и сошла бы за крутую для старшеклассника. Теперь же она напоминала, что Джон остался подростком, который так и не повзрослел. Меньше чем за год она превратилась из статусной в повод для стыда. Он плюхнулся на сиденье, подняв клубы пыли. Руки дрожали.

— Соберись.

Он закрыл глаза и схватился за руль, стараясь унять дрожь.

— Теперь это твоя жизнь, и ты с ней справишься, — прошептал он, а потом закрыл глаза и вздохнул. — Звучит как занудство в духе моего отца.

Он завел машину.

Обычно путь до дома занимал десять минут, но он выбрал дорогу, которая займет целых полчаса, словно не желая ехать через город.

Так не было риска встретить людей, с которыми не хотелось разговаривать. Работай в команде. Даже разозлиться на Оливера не получалось. Джон действительно больше не мог работать в команде. Почти полгода он шел из дома на работу и обратно, как поезд по расписанию. Иногда заходил за продуктами, и на этом все. Говорил только при необходимости, старался не смотреть в глаза. Вздрагивал, когда с ним заводили беседу и, если приветствовали коллеги, даже когда незнакомец спрашивал, который час. Он не уходил от разговора, но все лучше осваивал умение говорить, одновременно удаляясь от собеседника. Он был неизменно вежлив, но всегда четко показывал, что ему срочно нужно в другое место. При необходимости просто разворачивался в противоположном направлении. Иногда он чувствовал, что будто бы тает в воздухе, и когда его замечали, это досаждало и расстраивало.

Джон припарковался у многоквартирного дома — двухэтажного здания, по идее не рассчитанного на постоянных жильцов. В окне у администратора горел свет. Он месяц пытался вычислить часы ее работы, но в итоге пришел к выводу, что четкого графика нет.

Джон взял из бардачка конверт и направился к двери. Он постучал, но ему не ответили,

хотя, судя по звукам, внутри кто-то был. Тогда он постучал снова, и на этот раз дверь приоткрылась. Пожилая женщина с кожей многолетней курильщицы устала на Джона.

— Привет, Делия, — он улыбнулся, но не удостоился ответной улыбки. — Плата за квартиру.

Джон протянул ей конверт.

— Знаю, что опоздал. Вчера заходил, но никого не было.

— В рабочее время?

Делия открыла конверт и стала внимательно разглядывать его содержимое, словно боялась подвоха.

— Свет не горел, так что...

— Значит, время было не рабочее.

Делия обнажила зубы, что мало походило на улыбку.

— Я смотрю, вы завели растение, — резко сказала она.

— О да, — Джон обернулся и бросил взгляд в сторону квартиры, как будто мог увидеть ее с места, где они стояли. — Приятно за чем-нибудь поухаживать, правда?

Джон снова попытался улыбнуться, но быстро осекся. Его словно засасывал вакуум неодобрения, не оставлявший шансов на непринужденность.